

Гусиное перо писало туго, неохотно цепляясь за лист, но для Цзин Юньшу оно всё равно было куда привычнее и удобнее, чем традиционная кисть.

Что же до бумаги Юйкоу, то секрет её изготовления он почерпнул из трактата «История развития бумажного дела», купленного когда-то в межпространственной лавке. Не попадись ему эта книга, он, чего доброго, до сих пор пользовался бы в уборной гладкими бамбуковыми щепками.

В эту эпоху бумага уже вошла в обиход, однако стоила она недёшево, и императорские указы строго-настрого запрещали простолюдинам использовать её в столь низменных целях. Впрочем, закон этот отдавал изрядной глупостью. Обычные бедняки едва сводили концы с концами, перебиваясь с хлеба на воду, — откуда у них лишняя монета на такую роскошь? Да и сама писчая бумага для подобных нужд не годилась. Знатные же господа наверняка предпочитали мягкий шёлк. Словом, высочайшие запреты оставались лишь сотрясением воздуха.

Но сам Юньшу мириться с подобными неудобствами не желал. Царапать кожу бамбуком он не собирался, а переводить на это дело дорогой шёлк считал верхом расточительства. Вот почему, столкнувшись с деликатной, но насущной жизненной проблемой, он первым же делом приобрёл в таинственной лавке именно эту книгу.

Книга дала толчок, а естественнонаучное образование, крупницы которого ещё теплились в голове, помогло довести дело до ума. Слегка изменив технологию, Юньшу сумел получить дешёвую, мягкую бумагу, совершенно непригодную для письма. Это была не грубая папирусная бумага, на которой он чертил формулы, а нечто принципиально иное, созданное исключительно для личной гигиены. И назвал он её просто — туалетная бумага.

Тут стоило отдать должное смекалке и золотым рукам простых ремесленников. Первая бумага, полученная Юньшу, безбожно сыпалась и оставляла бумажную труху. Но стоило рецепту уйти в народ, как искусные мастера переработали технологию и ухитрились сделать листы на удивление прочными и эластичными.

Секреты бумажного производства испокон веков находились под строгим надзором казны. Появление нового сорта — пусть даже столь невзрачного — неизбежно привлекло бы ненужное внимание к его создателю. Не желая раскрывать себя, Юньшу приписал всё авторство своему названому отцу, Юнь Буши, занимавшему солидный пост советника пятого ранга в Великом главнокомандовании Янчжоу. Дело пустили через официальные ведомства. Технология оказалась простой, себестоимость — ничтожной, а поскольку чиновники не усмотрели в копеечном изделии большой выгоды, рецепт без особого сожаления отдали на откуп частным мастерским, заработав на этом репутацию благодетелей народа.

Для самого же Цзин Юньшу это стало лишь первым шагом. Когда по всей стране открылись десятки частных мануфактур, зародилась здоровая конкуренция. А среди народных умельцев всегда найдутся гении. Теперь появление любого нового, изысканного сорта бумаги выглядело бы вполне естественным плодом ремесленного прогресса, а не чудом из ниоткуда.

Юньшу классифицировал описанные в книге технологии по сортам и принялся внедрять их постепенно, шаг за шагом. Для повседневного письма предназначалась плотная пеньковая бумага, а для тонкой живописи — изысканная сюаньчжи.

Для переписывания священных сутр он предложил лазурно-синюю бумагу. В его прежнем мире этот благородный сорт, окрашенный натуральным индиго, прославился в эпоху Мин. Своё имя бумага получила за поразительное сходство с глубокой синевой знаменитого сюаньдэского фарфора. Из-за сложнейшей технологии выделки её так и не научились безупречно копировать в поздние века, отчего каждый уцелевший лист ценился на вес золота. Практически все древние буддийские свитки, дошедшие до археологов будущего, были начертаны именно на этой синеве.

В этой чудесной книге весь процесс воссоздания редких сортов расписывался до мельчайших подробностей и снабжался подробными гравюрами. Поначалу Юньшу диву давался такому богатству знаний, но со временем привык. Межпространственная лавка оказалась местом, где можно отыскать абсолютно всё — даже то, что человеческий разум не в силах вообразить.

Для нарядных книжных переплётов шла мерцающая золочёная бумага, а для защиты ценных фолиантов — глянцевая вощёная.

Но подлинной вершиной мастерства и самой дорогой драгоценностью стала знаменитая бумага Зала Ясного Сердца. Родом из древнего Хойчжоу, эта разновидность сюаньчжи была тонкой, словно яичная скорлупа, прочной и чистой, как полированный нефрит. Невероятно гладкие, глянцевые свитки могли достигать пятидесяти чи в длину, сохраняя безупречную толщину от первого до последнего вершка.

Своим рождением этот шедевр обязан утончённому правителю Южной Тан, императору Ли Юю. Считая прославленную сычуаньскую бумагу недолговечной, монарх возжелал создать идеальный писчий материал. Он не поскупился на казну, собрал лучших мастеров со всей Поднебесной и основал придворные мастерские. Дни напролёт император проводил среди чанов и прессов; он сбрасывал расшитый драконами жёлтый халат, облачался в простое холстяное платье ремесленника и трудился плечом к плечу с простыми рабочими. Каждую новую партию он лично пробовал кистью, внося исправления и добиваясь совершенства. Юньшу бессовестно присвоил эти труды — а бумага, созданная с такой любовью и тщанием, по определению не могла выйти заурядной.

Полученные листы мгновенно затмили все прежние виды сюаньчжи. Поскольку их отливали в дворцовых палатах Зала Ясного Сердца, за бумагой закрепилось одноимённое название. Долгое время она оставалась сугубо императорским достоянием, недоступным для простых смертных. Лишь после падения Южной Тан, когда сокровища казны перевезли в сунский дворец, а основатель династии Чжао Куаньинь не проявил к изысканным листам интереса, бумага Зала Ясного Сердца наконец просочилась в мир.

Но даже став доступной немногим ценителям, она оставалась редкостью, ценившейся буквально на вес золота. Рассказывали, что правитель Янчжоу эпохи Северной Сун по имени Лю Чан как-то раздобыл сотню таких листов и в восторге слагал стихи, вспоминая, что за один

свиток в прежние времена отдавали сотню золотых. Десять листов он преподнёс в дар великому литератору Оуян Сю. Тот пришёл в неопишное изумление: «Откуда у тебя это сокровище — столь гладкое, чистое и прочное, да ещё целая сотня!» Сам Оуян Сю, владея лишь десятью листами, уступил два своему другу, поэту Мэй Яочэню. Тот лишь сокрушённо вздыхал, твердя, что во времена правления дома Ли в Цзяннани даже за гору золота нельзя было купить ни клочка. Стоит ли удивляться, что века спустя знаменитый каллиграф Дун Цичан, бережно держа в руках драгоценную бумагу Зала Ясного Сердца, с благоговением произнёс: «На ней у меня не поднимется рука писать».

Присвоив древнее мастерство, Цзин Юньшу не стал мудрствовать лукаво и открыл собственную лавку с говорящим названием «Зал Ясного Сердца», где производил и продавал эти великолепные листы.

Благодаря восторженным отзывам поэтов и каллиграфов слава бумаги взлетела до небес, а вместе с ней и цена. Тончайшая текстура и само благочестивое название лавки пришлись по душе императору, искавшему путь к духовному очищению. На ней стали писать даосские молитвы и переписывать каноны. Бумага вошла в списки обязательной дани и превратилась в ценнейший дар, которым государь жаловал лишь самых преданных министров. Двор даже выкупил у Юньшу патент и основал собственную закрытую мануфактуру. Впрочем, процесс оставался невероятно сложным: требовались особые сорта древесины, кристально чистая горная вода, а сама сушка зависела от капризов погоды, так что безупречных листов всё равно получалось немного.

На всю империю Великую Чжао лишь лавка Юньшу торговала настоящей бумагой Зала Ясного Сердца. Каждый месяц они выставляли на торги всего десять безупречных, тщательно отобранных листов, и за каждый без долгих споров отдавали по сто золотых монет.

Знаменитой поэтической бумаги Сюэтао в этом мире так и не появилось — её место прочно заняли нежные разноцветные листки Юньшу, славу которых он также тщательно и целенаправленно взрастил.

Сам же он предпочитал бумагу Юйкоу — просто потому, что её плотная, прочная текстура стойко переносила острый кончик гусиного пера и никогда не рвалась при письме.

Бумага Юйкоу в его прошлой истории славилась в эпоху Цин. Слово «Юй» означало безупречную нефритово-белую чистоту и глянец, ставящие её на вершину среди всех местных сортов, а «Коу» служило старинной мерой счёта — ровно сто листов в стопке. Её изготавливали в провинции Фуцзянь исключительно из молодых побегов бамбука. Листы выходили гладкими, упругими, они отлично держали натяжение и не лохматились от трения. Особую славу благодаря чистейшей родниковой воде сыскал уезд Чантин.

Конечно, в нынешние времена южные земли Фуцзяни ещё не знали былого расцвета, да и добраться туда Юньшу не мог. Ему пришлось закупать бамбук в окрестных рощах. Сравнить результат было не с чем, поэтому он так и не знал, уступает ли его бумага легендарным чантинским образцам или превосходит их.

Изготовление бумаги Юйкоу — процесс строго сезонный. Весной, когда молодые побеги устремляются к небу и дают первые нежные ветви, наступает время заготовки. Срубленный бамбук тщательно очищают от зелёной кожуры и твёрдых сочленений, оставляя лишь сочную светлую сердцевину, которую отправляют в глубокие ямы. Бамбук укладывают слоями, густо пересыпая известью и постепенно заливая чистой водой. В этой едкой жиже сырьё томится от сорока до шестидесяти дней. Затем известь смывают, удаляют перезрелые, жёсткие волокна и заливают бамбуковую кашу свежей ключевой водой. Воду меняют ежедневно в течение декады, после чего массу оставляют бродить ещё на два месяца, пока она не превратится в однородную массу. Эту волокнистую жижу отжимают под прессами, а затем топчут босыми ногами, превращая в нежнейшее тесто. Наконец, массу разводят в чанах, добываясь бледно-золотистого оттенка волокон, и только тогда приступают к отливке листов. Труд кропотливый, изнуряющий и долгий.

Пусть бумага Юйкоу и не ценилась так безумно, как листы Зала Ясного Сердца, дешёвой её назвать тоже язык не поворачивался. Но поскольку Юньшу тратил её в огромных количествах для своих записей, слуги, стремясь угодить хозяину, не жалели сил и заготавливали её впрок.

Впрочем, заботясь о будущем, Юньшу заранее выкупил обширные угодья в Сычуани специально под бамбуковые рощи. Он всерьёз опасался, что его аппетиты истощат местные леса. Нарушить хрупкое природное равновесие было бы полбеде, но оставить без пропитания панд — это уж истинный грех. Если из-за его бумажной страсти эти очаровательные бамбуковые медведи исчезнут с лица земли, он себе этого не простит.

Стоило ему подумать о делах земных, как на пороге появилась служанка Чжили с запечатанным конвертом в руках.

— Глава Цзин, — негромко промолвила она, склонившись в поклоне. — Из Янчжоу, от семейства Юнь, пришло письмо.

Цзин Юньшу принял послание. Изыщные, каллиграфически выверенные иероглифы выдавали женскую руку. Автора этого почерка он узнал мгновенно — матушка Ань, наложница Юнь Буши.

Его собственная биологическая мать в этом мире.

Покинув родительский дом шесть лет назад, он почти не навещал родные пенаты. В обществе, где сыновний долг почитался за высшую добродетель, открыто пренебрегать семейными узами было опасно для репутации. Цзин Юньшу приходилось считаться с приличиями. Он исправно возвращался в Янчжоу на дни рождения престарелой бабушки, самого Юнь Буши, законной супруги госпожи Ван и своей матушки Ань, а также на важнейшие праздники воссоединения семьи. В менее значимые даты он ограничивался отправкой дорогих подарков и вежливых писем.

Будем честны: во всём огромном поместье Юнь его возвращения ждали только в тихом дворике матушки Ань. Остальным до него не было ровным счётом никакого дела.

То поместье никогда не казалось ему родным. Бесконечные дразги обитателей внутренних покоев, интриги наложниц и вечный шум лишь нагоняли тоску. Юньшу старался избегать этих поездок. Даже на Праздник весны за все шесть лет он возвращался лишь трижды, всякий раз выдумывая благовидные предлоги для отказа. Обычные торжества его мало заботили, но в Новый год — время тепла и искренности — ему хотелось быть среди тех, кто ему действительно дорог. В собственном тихом поместье дышалось несравнимо легче и свободнее.

На дворе стоял лишь двенадцатый лунный месяц, до новогодних празднеств оставалось порядочно времени. Зачем же матушке понадобилось писать ему именно сейчас?

<http://bllate.org/book/18296/1758570>